

Облом / стихи

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Облом / стихи ОБЛОМ

Ну да, наказуема мужская глупость.
Но женская – поощряема. Что за чушь?
Давно ли мужчину красила грубость?

Теперь ли женщину украшает муж?
Верность всем дорога. Это я приемлю.
Аж жизнью платят за верность порой.
Коль наемник воюет за чужую землю,
То дезертир из кустов выходит, как герой.

С разных материков, друг другу навстречу,
Нас судьбина гнала – пинками под зад.
И столкнула лбами. Но в этот вечер..
Мой рывок. Твой свисток – офсайд.

Ах, какой бы ни была планида скверной,
Невозможно себя представить дураком!
...Ты вернулась домой вся чистая и верная,
А встретили тебя все с тем же кулаком.

Кому и солнца мало, кому и свечка в радость.
А то и вовсе без света обходятся кроты.
...Я казню себя за вечную слабость.
За минутную стойкость казнишь себя ты.

16.07.1999, Стокгольм

* * *

В кабаке ли сижу – за бокалом пива,
В гамаке ли лежу – у морского залива, –
Следит за мной Рок верно и игриво.

Обнимаю ли женщин, иль только подушку..
Будто ливень хлещет, да на всю катушку!
Тут же Рок из-за угла направляет пушку.

По ночам ли, по утрам, – в час свиданий с Музой,
Остаюсь я «сам на сам» с единственной обузой, –
Рок крадется как беда. Как римлянин – к Сиракузам.

И мысли, что шли гурьбой – врассырную! Веером!
Рок охотился за мной,
С вечным криком: «Бей его!»

На себе ли его тащу? Иль ношу в себе его?

04.06.1999, Стокгольм

• **ДОРОГА НОМЕР Е – 6**

Норвегия летом – что Мисс Природа!
Безо всяких мучений при родах

появилась на свет красота тут,
по праву закрепив за собой статус.

Не передать ни пером, ни словом,
Как воздух отдает сочным пловом.

Закон с фаворе. Обман не мыслим.
В буквальном и переносном смысле.

Дорогая страна. Цены – Эверест!
Нет грязных интриг – на трон кому сесть?

Всяк тут сам себе Человек и Бог.
Лишь викинга красит изобилия рог!

...Но стране чуточку наносит урон –
при въезде в столицу дынадцать крон.

Закон в фаворе. Страна в поборе.
Факт вопиющ, как мат на заборе.

Такое вот древо – не в крону, а в корень:
Сначала денежки. Уж потом – «велкоммен».

26.05.1999, Лиллехаммер, Норвегия.

• **ПОЖИЛОМУ ИРАНЦУ ИЗ ГЕТЕБОРГА**

Вот и надулись надменно губки.
И прорезались новые зубки.

А вот коготочки вылезли враз.
До прежних разрезов сузился глаз.

И челюсть задралась выше макушки.
Своего гнезда нет у кукушки!

Позабыв первый на чужбине день,
Чужую кепку надев набекрень,

Отправился в свет, чтоб утверждаться...
Плыть против потока – век не сливаться?!

С чужого плеса – не жмет ли пиджак?
Хвост у чужого пса должен быть поджат!

А если ты можешь напиваться до рвоты,
А если ты можешь травить анекдоты,

если ты можешь горланить песни,
если сон крепок, сны интересны –

то живи, утверждаясь, ради Бога!
Что тебе церковь, мечеть, синагога?

Пей. Пой... Гуляй, обшарпанный хрыч.
Лишь о доле своей – «горькой» – не хныч.

У лжи ведь глаза играют в прятки:
Выслушают – да. Поверят – вряд ли.

25.05.1999, Лиллехаммер, Норвегия.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Кто-то шагает по ней, держа над головою факел,
Кто-то крадется, зажав в ладони горстку золы.
Кто держит оружие – с намереньями благими,
Кто с черною мыслью несет охапку цветов.

Ашгабат, 1980

• МЕТАМОРФОЗЫ

(подстрочный перевод автора)

Ты пришла —
эту землю стало не узнать.
Ты пришла —
я гением не сделался едва.
Ты пришла —
так легко стало на душе,
что всполошился не на шутку:
что за Рай такой, коль так просто попасть?
Ты осенью пришла,
когда матушка-Земля
наполнила подол себе мокрый
опавшею грустной листвой.
... Дали ордер нам с тобою
от квартиры в Раю.
На радостях про ключи забыли,
вот уж поистине, не пустили грехи.
И вот стоим — вроде бы рядом,
а дальше — не бывает.
Так насюсюкались, так начирикались,
что на прощанье не осталось слов.
Мы расстаемся тихо, молча,
как расстаются тело и душа.
Что за сила, что свела нас,
да связать напрочь не смогла?
То не могли друг на друга наглядеться,
в глаза не можем теперь взглянуть.
То не было сил, чтоб разъединить нас,
теперь нет сил, чтобы удержать.
Всю радость с собою уносишь,
ничего, я сильнее, оставь мне печаль.
Счастье двоих — не имущество общее,
его не разделишь пополам.

Улыбка радости — не в паспорте штамп,
чтоб стереть ее, не нужен нарсуд*.
Не потому мне больно, что грустно,
а потому, что и тебе не веселей.

... Наверное, лишь матери так сильно грустили,
единственного сына провожая на фронт.
А мы и в бой не идем, и не провожаем,
мы – герои в постели, дезертиры в любви...
Эти звезды ночные, эти звездные ночи,
эти люди, город, улицы, дома –
разделяют меж собой то, что мне не досталось,
разделяют любовь мою. И схоронят в себе.
А я уйду. Пойду по белу свету,
уйду, как Лир от трона, из твоей судьбы...
Не потому мне больно, что не сложилась песня,
а потому, что другой – не сложить.

Москва, 1982

* *Нарсуд – народный суд*

• НЕДОРАЗУМЕНИЕ

(подстрочный перевод автора)

Наступил час такой –
я остался один.
Не оказалось рядом ни близких,
ни друзей.
Задвинул я шторы,
захлопнул окно.
И вырвался вопль истошный из груди моей.

Так закричал я, Боже,
кусая подушку!
Так, что сам оглох от бешеного крика.
Прохожие за окном сновали как прежде,
Ни один не услышал.
Никто не пришел.

Обзвонил всех многочисленных друзей:
у кого-то дела срочные,
кого-то дома нет.

Словно собачка, брошенная в горящем доме,
очумевшее сердце заметалось в груди.

Я снова закричал, повернувшись к окну:
Ну неужели никому нет дела до меня?!
... И услышал чей-то недовольный голос:
«Гляди, там кто-то бесится с жиру...»

Ашгабат, 1985

* * *

(подстрочный перевод автора)

Если одна твоя улыбка,
одно слово,
взгляд один
могут кого-то осчастливить;
если кто-то,
услышав твое «нет»,
лохмотья дервиша напялив на себя,
может уйти в горы иль пески;
если кто-то,
лишь взглянув на тебя,
излечиться может от болезни вмиг;
если кто-то в тяжелую минуту
обратится не к Богу,
а шепнет твое имя;
если кто-то на дыханьи последнем,
как погибающий от жажды путник,
доползет до тебя...

если ты и после всего этого
сможешь уйти,
отрезав «нет», —
ты очень долго проживешь,
боготворя
и любя
себя.

И, схватившись за сердце,
ты никогда не упадешь.
Счастье в любви – слепой жребий,
выигрыш выпадает лишь раз.
Ты, может, даже не поседеешь...
Но никто тебе
никогда
не ответит:
Ради чего ты жила?
Для кого?

Ашгабат, 1985

• ЮБИЛЕЙНОЕ

Можешь писать письма по всем земным адресам,
но без адреса – обратного – своего.
Можешь пролетать над крышами всех земных городов,
собственную не имея над собой.
Можешь стучать во все двери земные,
но своим ключом не открыть тебе ни одной.
Можешь грустить о смерти, но чуть-чуть, не сильно,
поскольку жизнь тебя особо не радует.

Все равно где нибудь тебя в землю положат,
и тогда... Вот тогда вся она будет твоя.

... А на каком языке,
чьими буквами
будет молчать о тебе могильная плита?

Стокгольм, вилла Бергсхуддан, 06.12.1995

• НЕ ЦАРЬ, НО ЭДИП

Наемные насильники обесчестили мою Родину-мать.
И такие пошли выродки, что самой ей не узнать.
Дебилы. Манкурты. Черви, копошащиеся в земле.
Сам Эдип был выкормлен все в том же Кремле, –

откуда в масках, с топорами расползались палачи,
озираясь по сторонам, аки тать в ночи, –
урвать, забрать, отнять, запретить, наказать,
не пущать, напугать, отказать, не давать...
Держа в одной руке пряник, другой – поигрывая кнутом,
в санитары себя превратили, а страну – в дурдом.
Но санитар ведь не врач, он страшнее больного!
Бьет, как прожектор, в глаз блеск наручника стального.
Пряники кончились. Лишь кнут, как пуля, свищет!
Туркмен уже не правды – кусочка хлеба ищет.
Но народ мой терпелив, он МОЛЧИТ РЕШИТЕЛЬНО.
Он в рубашке родился. В рубашке смиренной.

Стокгольм, 12.12.1995

• ОБЫВАТЕЛЬ ЗАДУМАЛСЯ!

Придавила власть к земле. Стал я ниже ростом.
Мне душу вывернув, надели, как берет.
В собственном доме превратили в гостя.
Пришел в гостиницу. Прогнали: «Мест нет!»

Стокгольм, 12.12.1995

• Дерзкое дополнение к В.И.Даю

«Жена в жизни мила лишь дважды бывает:
Когда войдет невестой; когда к Богу уйдет».
... Рыба только на суше рот открывает,
Женщина лишь под водой закрывает рот.

Стокгольм, 12.12.1995

• АПТЕКА ЗАКРЫТА...

Дюже пугаясь небесного царства,
ну а земные пытаюсь сокрушить,
от сердца глотаю разные лекарства...
Но не бывает таблеток от... души.

Стокгольм, 12.12.1995

• СКРЫТОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Богов поделили. Мне достался Аллах.
И его потерял, покинув отчий дом...
Лишь песни звучат на разных языках,
Плачут все люди на одном.

Стокгольм, 12.12.1995

* * *

Богу – шепотом. Нет – про себя

Долго искал бумагу. Ручку – дольше вдвойне.
Сел и жду. Напрасно. Ни Пегаса. Ни Музы...
В другой раз ничего не суй в руки мне,
Избавь – Ты же можешь! – от этой обузы.

Стокгольм, 12.12.1995

• СЛЮССЕН. КАФЕ «СТРЕММЕН»

На головке – каскады Ниагары,
В глазах – что там искры! – фейерверк!
Как выдерживают эти изящные ушки
пару чуть ли не церковных колоколов?
Видно, как струится красное вино
сквозь матовую, лебединую шейку,
едва ли от которой ноги не росли.

Я тебя глазами, наверно, пожирал,
поскольку нетронутой осталась тарелка.
Ты встаешь, улыбаешься, так плавно,
как в честь победителя поднимают флаг.
И говоришь мне: «Оденьте меня, пожалуйста, –
мне надо пойти и позвонить».
А я ни хре... Извини, ничего не понимаю,
как дурак на заборе, счастливый сию!

Зачем-то киваю, благодарю за что-то,
мог бы и улыбнуться, да зубы не все...

Все испортил ненавистный телефон!
Ты вернулась другая. Может, это не ты?
Злого обидчика увидеть захотелось:
то ль сказать «спасибо», то ли морду набить.
Теперь ты так сидела... Нет, тебя уже не было...
Ненавижу бармена с его исправным телефоном!

... Плетусь домой, — к вечному глупому вопросу:
«Почему так поздно? Где ты был?»
Где был — не важно. Но — почему так поздно?
Вопрос-то, согласитесь, не так уж и глуп.

Стокгольм, 13.12.1995

• ВНОВЬ В «СТРЕММЕНЕ», ТЕПЕРЬ УЖЕ С ХОКАНОМ

Страшно, когда чьи-то останки
валяются в болотной траве.
Страшно, когда в городе танки,
и дубинка пляшет по голове.

Страшно, когда мужчина жалок,
А женщина-гладиатор рвется на ринг.
Когда в кювете Эпохи пылится держава,
как слетевший в пьяной драке парик.

Страшно, когда по телу дочери
нежно — ботинками! — гладит ОМОН.
Страшно, когда за хлебом очередь,
а на светских тусовках жиреет бомонд.

Страшно, когда вверх взмывают палки,
ну а власть ныряет головой в песок.
Когда люди, как крысы, ищут на свалке
демократию — ну хотя бы кусок!

... Другу моему, шведу, понять все это сложно,

он кричит, позабыв, что мы тут не вдвоем:
«Но ведь так жить страшно! Так жить невозможно!»
Милый мой, а кто тебе сказал, что мы — живем?!

Стокгольм, 18.12.1995

• СОВЕТ ПОЛИГЛОТУ

говори
говори на чужом
языке
на любом
но пой
пой
только на своем
не понявший
быть может
захохочет
кто поймет
тот заплакать захочет
матерись на своем
подерись на чужом
руби
круши
на своем
люби
на любом
чужом
но только не ври
и не проси
ни на каком

Стокгольм, 21.12.1995

• ДЕПРЕССИЯ — ДИТЯ РЕПРЕССИИ?

Распихивая друг друга локтями,
(чтобы втиснуться в слова),
буквы ложатся на бумагу неуклюжие, тяжело,

как проклятья на невинную голову.
Боже, как трудно писать!
Голова ушла в бессрочную забастовку.
Только желудок никак не объявит голодовку.
Чем отличаются руки от ног,
если в них не скрипит перо
и начисто стерта линия жизни?
Душа спокойна, как женщина после родов.
Но очень трудно писать.
От долгого молчанья ржавеет голос,
и покрывается трещинами,
как азиатские солончаки,
заскучавшие по конским копытам.
Тема для поэзии неисчерпаема!
Но стихов больше, чем
тем,
но поэтов больше, чем
стихов.
О, если бы всем им
было так трудно писать!
...Женщинам все так же трудно рожать,
особенно — Поэтов.

Стокгольм, 27.12.1995

* * *

я приготовил слова
какими буду тебя встречать
я отрепетировал вопли
какие исторгну при встрече с тобой
я припрятал деньги
что останутся даже после того
как кончится бензин у такси
я и ложе царское постелил
правда
сам пока лежу рядом
на полу

дело осталось за самым малым
вот еще бы и тебя встретить

Стокгольм, 05.01.1996

* * *

Жизнь потерпела катастрофу.
И годы лежат —
вдоль линии судьбы —
как опрокинутые вагоны.
Уцелевших нет.
Да и жертв что-то не видать.
Наверное, я поехал не туда.

Стокгольм, 05.01.1996

* * *

Если на том конце провода
быстро сняли трубку, —
это еще не значит,
что ждали вашего звонка.
Не орите, пожалуйста, в трубку.
И, ради Бога, не скулите:
там, быть может, ребенок родился,
или, не дай Бог, покойник лежит.

Стокгольм, 05.01.1996 Goşgular